
**ПОЛИТИКА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР
В РЕШЕНИЯХ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б)
МЕЖДУ «РЕВОЛЮЦИЕЙ СВЕРХУ» И БОЛЬШИМ ТЕРРОРОМ.
1930–1936 ГГ.**

Г.А. Бордюгов

Научно-исследовательский центр
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО–XXI)
ул. Чусовская, 11-7, Москва, Россия, 107207

В статье анализируются критические моменты политики и идеологии чрезвычайных мер, которые стали системой управления страной. На основании «особых папок» решений Политбюро ЦК ВКП(б) исследуются рамки и причины трансформации чрезвычайных мер в «чрезвычайщину», которая ослабляла социальную опору сталинского режима власти и подрывала производительные силы. Автор показывает, как политика применения экстремистских действий, примененных в области экономики, постепенно разрасталась в проблему безопасности и политического контроля, как власть пыталась найти способы предотвращения сползания в «чрезвычайщину».

Ключевые слова: сталинизм, «революция сверху», чрезвычайные меры, «чрезвычайщина».

В августе 1881 г. политическая элита эпохи абсолютизма, стремясь найти способ погашения социально-политических и межэтнических конфликтов в Российской Империи, впервые законодательно оформила особый способ управления страной. Он предусматривал возможность объявления «исключительного положения», которое различалось как положение Усиленной охраны и положение Чрезвычайной охраны (1). В самом начале XX в. режим исключительного положения распространялся более чем на треть населения России. В 1905–1907 гг. царское правительство объявляло на положении усиленной или чрезвычайной охраны 60 губерний и областей, а в 25 губерниях и областях вводилось военное положение. Действие охраны не могло не повлиять на складывание определенных традиций поддержания порядка. Особое совещание, созданное в 1905 г. для пересмотра исключительных законоположений, заключало: «Население, не видя применения нормальных законов и сталкиваясь с распоряжениями, вытекавшими не из прямого смысла общих законов, а из предоставленных исключительными правилами полномочий, утрачивало сознание их исключительности, теряло чувство законности и в то же время проникалось недовольством к произволу власти и духом оппозиции» (2).

Несмотря на обещания большевиков отменить особые или чрезвычайные законы, созданный режим власти, переживший трагические события

Гражданской войны, а затем «революцию сверху» и раскрестьянивание, возвел чрезвычайные меры в постоянную систему управления. Для новой политической элиты оказалось легче воспринять и впитать старые привычки запретов и угроз, приказов и репрессий, террора и насилия, чем долго вырабатывать демократические принципы жизни. Однако политика чрезвычайных мер неизменно перерастала в «чрезвычайщину». Можно прочертить границу между политикой чрезвычайных мер, которая в определенных ситуациях является единственно возможной, и состоянием «чрезвычайщины», которое вызывается стремлением того или иного режима любой ценой удержать власть. Главными критериями перехода этой границы, очевидно, являются: обращение к массовому террору как форме управления; подчинение регулярных органов управления чрезвычайным, карательно-репрессивным; внесудебный порядок рассмотрения дел; объявление части общества «врагами народа».

Если политику чрезвычайных мер 1919–1922 гг. можно идентифицировать революцией и Гражданской войной, «военным коммунизмом», то «чрезвычайщину» этого периода – радикалистским порывом собственности, продовольственной диктатурой комбедовского времени, расказачиванием и своеобразием перехода к новой экономической политике – через вооруженное подавление массового крестьянского движения и голод (3).

Если политику чрезвычайных мер 1928–1930 гг. можно идентифицировать хлебозаготовительным кризисом и кризисом нэпа, то «чрезвычайщину» этого периода – «революцией сверху», связанной с новым выравниванием собственности, насильственным свертыванием нэпа, раскулачиванием, варварскими методами индустриальной модернизации (4).

Политика чрезвычайных мер 1930–1936 гг. может объясняться новыми хлебозаготовительными кризисами, неурожаем, голодом или угрозой новой войны. Однако и в эти годы власть не смогла удержаться в рамках просто политики чрезвычайных мер и в отдельные моменты сознательно ввергла страну в «чрезвычайщину», которая на этот раз проявила себя в непосильных теперь уже для колхозов, а не для индивидуальных крестьянских хозяйств хлебозаготовках. Все это сопровождалось особыми способами преодоления страшного голода, окончательной расправой с политической оппозицией, массовыми выселениями «раскулаченных» из деревень, «непролетарского населения» и «асоциальных элементов» – из крупных городов, борьбой с «вредительством», разоблачением «диверсантов и шпионов».

Во всех перечисленных случаях власть не так часто обозначала свою политику именно как чрезвычайную. Но какие бы заменители в идеологическом обосновании очередного взнуздывания страны и управления через крайность властью не использовались – «обострение классово-борьбы», «фашистская угроза» – общая суть этой политики как чрезвычайной, экстраординарной не изменилась. В то же время следует сразу подчеркнуть, что в 1930-е гг. политические и экономические задачи не могли решаться в тех

чрезвычайных формах, в каких происходила «революция сверху». Ее последствия хорошо известны – была серьезно ослаблена одна из социальных основ режима, нарушен нормальный товарооборот, подорваны производительные силы деревни, практически сорваны планы строительства предприятий тяжелой промышленности.

Особенности и противоречия политики чрезвычайных мер между «революцией сверху» и Большим террором позволяет выявить и понять такой новый для исследователей источник, как протоколы решений Политбюро ЦК ВКП(б), проходящие под грифом высшей формы секретности «особая папка». Во второй половине 1990-х гг. они были переданы из Архива Президента Российской Федерации в Российский государственный архив социально-политической истории и рассекречены вплоть до конца 1934 г. Можно говорить об особой важности этого источника, поскольку начиная со времен Александра III вопросы чрезвычайного характера, как правило, рассматривались в закрытом порядке. «Особые папки» позволяют понять процесс смещения сфер применения чрезвычайных мер, а главное, уловить моменты перехода от политики чрезвычайных мер к «чрезвычайщине», а затем выхода из нее в зону чрезвычайных мер и даже их ослабления. Сейчас еще трудно сказать, всегда ли такие переходы осуществлялись осознанно с точки зрения серьезной корректировки политики или это была лишь видимость, кратковременные маневры, дезориентирующие тех людей, которые пытались оценивать действия власти.

Первая попытка обуздать «чрезвычайщину», связанную с «революцией сверху», хорошо известна и довольно подробно описывалась историками (5). Речь идет об открытом «отбое» шквалу перегибов и произволу при насаждении колхозов и раскулачивании, прозвучавшем 2 марта 1930 г. в статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Правда, сам генсек не склонен был считать мартовские, а затем и апрельские решения ЦК ВКП(б) серьезным поворотом в политике, сводил их к простому «одергиванию» «зарвавшихся товарищей» (6). Однако, судя по закрытым решениям Политбюро, еще в феврале 1930 г. предпринимались попытки «управлять» неуправляемой «чрезвычайщиной».

В частности, тогда были признаны недопустимыми методы и темпы, которые практиковались при коллективизации в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабарде, Узбекистане, Киргизии и Туркмении, были приняты предложения К.Е. Ворошилова о том, что не подлежат выселению и конфискации имущества бывшие красные партизаны, участники Гражданской войны. Одновременно Политбюро отменило свое решение за 1929 г. о желательности публиковать в местной и центральной печати информацию о расстрелах «контрреволюционных кулацких элементов» (7).

В закрытом порядке проверялось затем и выполнение команды «отбой» «чрезвычайщине». В апреле–мае 1930 г. комиссия ЦК путем специально выделенных окружных подкомиссий и «троек» проверила по баракам ссыль-

ных и местам расселения кулаков 23 360 семей из 46 261 ссыльных кулацких семей, находящихся в Северном крае. В ходе проверки спецпереселенцев было признано, что 6% от их числа высланы неправильно, поскольку принадлежали к беднякам и середнякам, а 8% – сомнительно, поскольку являлись участниками Гражданской войны или красными партизанами. В отношении первых Политбюро решило вернуть их обратно на прежнее место проживания, в отношении вторых – расселить в Северном крае на льготных условиях (8).

Однако осень 1930 – зима 1931 г. прошли под аккомпанемент вспышек «чрезвычайщины», которым предшествовали, как показывают решения под грифом «особая папка», серьезные меры по укреплению ОГПУ, увеличению его штата (на 3165 сотрудников) и наращиванию численности его внутренних войск (на 3500 чел.) (9). Сами же проявления «чрезвычайщины» из сферы проведения хлебозаготовок, раскулачивания и спецпереселений стали смещаться в сферу вопросов, связанных с вредительством, организацией политических процессов, прежде всего по «делу» промпартии.

О том, как нагнеталась всеобщая истерия по одному только «делу», свидетельствует серия решений о немедленном аресте нескольких «диверсионных групп», усиление режима секретности и даже указание Сталину «немедленно прекратить хождение по городу пешком» (10). Всем республиканским ЦК, крайкомам и обкомам ВКП(б) была направлена следующая директива: «В связи с начинающимся 25.XII судебным процессом по делу вредителей и агентов, иностранной интервенции ЦК ВКП(б) предлагает развернуть разъяснительную работу в широких трудящихся массах и в Красной армии по разоблачению интервенционистских планов империалистов и особенно Франции, белоэмигрантов и их буржуазно-вредительских агентов в СССР... В этой разъяснительной работе должна разоблачаться контрреволюционная вредительская роль некоторых элементов из верхушки старого буржуазного инженерства и собственников... В связи с этим ЦК ВКП(б) постановляет:

а) развернуть в печати широкое освещение хода процесса и задач партии и рабочего класса в борьбе с вредителями и интервентами;

б) в первый день организовать широкие демонстрации по всем городам, с вовлечением по возможности и колхозников...» (11).

Вторая волна отхода от «чрезвычайщины» и ослабления чрезвычайной политики в целом заняла, как показывает серия устойчивых одноплановых решений, довольно продолжительное время – с лета 1931 по осень 1932 г. Причем большинство из этих решений принималось по инициативе Сталина.

Кулакам в июне 1931 г. давался шанс восстановления в гражданских правах, если в течение 5 лет они докажут лояльность к власти и продемонстрируют честность и добросовестность как труженики (12). В июле 1931 г. Политбюро также сочло, что его задание о массовом выселении кулацких хозяйств в основном выполнено (под это определение, правда, не попадали

Казахстан, Закавказье, Северный Кавказ и Калмыкия) и что в дальнейшем высылку следует производить в индивидуальном порядке (13). В какой-то мере упорядочивалось устройство и использование спецпереселенцев. Заметно снизилась доля отчислений из их зарплаты в пользу государства (14).

Послабления затронули и другую социальную группу, и связанный с ней сектор экономической жизни. Летом–осенью 1931 г. одна за другой досрочно освобождаются из заключения группы арестованных специалистов черной и цветной металлургии, угле- и золотодобычи, железнодорожного транспорта (15). При всех оговорках власти об оставлении наказаний условным, о применении к освобожденным гласного надзора ОГПУ и т.д. данное послабление подтверждало очевидную надуманность обвинений специалистов во вредительстве, выдвинутых в предыдущие годы.

Отменялась дискриминация специалистов при назначении на руководящие посты на предприятиях. Дети инженерно-технических работников при поступлении в высшие учебные заведения получали равные права с детьми индустриальных рабочих. Партийным организациям рекомендовалось перестать вмешиваться в оперативную деятельность администрации предприятий, а милиции, уголовному розыску и прокуратуре – в их производственную жизнь. На промышленных предприятиях упразднились официальные представительства ОГПУ (16).

Ключевым сигналом, свидетельствующим о серьезных намерениях по упорядочению политики чрезвычайных мер и подчинению чрезвычайных органов политическому руководству, стало решение об ОГПУ, принятое Политбюро 10 июля 1931 г. сначала под грифом «Особая папка», а затем как секретное с рассылкой на места. ОГПУ запрещалось арестовывать коммунистов в центре и на местах без ведома и согласия ЦК ВКП(б). То же самое распространялось на специалистов – инженерно-технических работников, военных, агрономов, врачей, – арест которых мог быть произведен только по согласованию с соответствующим наркомом, а в случае разногласий – с ЦК. Граждан, арестованных по обвинению в политическом преступлении, не разрешалось держать без допроса более чем две недели и под следствием – более чем три месяца. После этого дело должно быть ликвидировано либо передачей суду, либо самостоятельным решением коллегии ОГПУ. Все приговоры о высшей мере наказания – расстреле, выносимые коллегией ОГПУ, должны были утверждаться ЦК ВКП(б) (17).

Таким образом, серьезное отступление власти по ключевым направлениям общественной жизни являлось признанием неэффективности чрезвычайных мер, особенно в фазе их перерастания в «чрезвычайщину». Однако этот отход совершался до определенной черты, которая, в свою очередь, обозначала момент серьезных раздумий руководства по поводу того, отступить ли дальше или остановиться на данной черте, достаточной для обеспечения стабильности и устойчивости режима. Тем более что в принципе различные группы людей осторожно отреагировали на послабления, идущие

сверху, не увидели в новых экономических мерах о снижении плана заготовок, о свободе торговли достаточных стимулов к повышению производительности труда и увеличению выпуска продукции.

Новый кризис хлебозаготовок, кризис промышленных отраслей экономики, страшный голод, массовые волнения, пришедшиеся на осень 1932 г. – весну 1933 г., вызвали новую «чрезвычайщину», поскольку иного способа удержаться у власти сталинское руководство не нашло. «Чрезвычайщина» этого времени охватила практически все сферы общественной жизни – массовые обыски, аресты, расстрелы и новое выселение крестьянства, чистки, проверки на предприятиях и учреждениях, политические процессы и массовые исключения из партии, и в этом отношении, а также по своим последствиям и цене, была равна гражданской войне и «революции сверху».

Однако с лета 1934 г. начинается третье и самое продолжительное по времени отступление от «чрезвычайщины». Этому предшествовали неплохой урожай 1933–1934 гг. и политические решения XVII съезда ВКП(б). В то же время невозможно обойти предшествующие этому слабые проблески отступлений от массового террора и нагнетания истерии классовой борьбы в самый пиковый момент ее проявления – в феврале–марте 1933 г. Скорее всего, это опять-таки можно объяснить маневрированием, которое отчасти вызывалось кануном посевной кампании.

Высшее партийное руководство отказало, к примеру, Северному крайовому партийному комитету в просьбе разрешить единовременно выслать на Печеру 3000 кулацких семей. Отклонено было и предложение Б.П. Шеболаева об организации временного концлагеря на территории Северо-Кавказского края в дополнение к существующим за его пределами (18). Решения о немедленной разгрузке тюрем и отправке осужденных в лагеря, специальные поселки и исправительно-трудовые колонии также явно свидетельствовали о переходе всех допустимых границ в использовании чрезвычайных мер (19). Развернутое постановление по разгрузке тюрем требовало брать под стражу только тех, кто связан с контрреволюционными преступлениями, хищением государственного и общественного имущества, спекуляцией, тяжелыми преступлениями против личности, кулацким сопротивлением. По всем остальным «преступлениям» следовало брать подписку о невыезде или залог (20).

Ослабляло «чрезвычайщину» и выполнение инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным, советским работникам, органам ОГПУ, судам и прокуратуре от 8 мая 1933 г. Согласно ей запрещались массовые выселения крестьян (устанавливались только индивидуальные выселения активных «контрреволюционеров», причем в рамках установленных лимитов – 12 тыс. хозяйств по всей стране), запрещалось производить аресты должностным лицам, не уполномоченным на то по закону, а также применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда «за маловажные преступления». Был установлен предельный лимит заключенных в местах заключе-

ния Наркомата юстиции, ОГПУ и Главного управления милиции (кроме лагерей и колоний) – 400 тыс. чел. вместо 800 тыс., фактически находившихся к маю 1933 г. Осужденным на срок до трех лет инструкция предписывала заменить лишение свободы принудительными работами до одного года, а оставшийся срок считать условным. В июле 1933 г. эта задача была решена (21).

Однако еще до этих симптоматичных решений принимались меры по пресечению крайних проявлений чрезвычайных мер, проводимых, к примеру, ОГПУ. В малоизвестном Обращении к сотрудникам ОГПУ в конце декабря 1932 г. зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягода призвал (попутно делая примечательные признания) своих подчиненных прекратить недопустимые методы следствия: «В низовых звеньях чекистского аппарата находятся отдельные работники, которые вместо неустанной, упорной и кропотливой агентурно-следственной работы пытаются позорными методами принуждения вымогать показания. Такой путь борьбы с к.[онтр]-р.[еволюционерами] не только по самому существу своему чужд органам пролетарской диктатуры, но и исключительно опасен, ибо всегда запутает следствие (особенно когда перед следствием опытный враг) и отведет удар от действительных к.-р. заговорщиков. Только бессилие перед классовым врагом может толкнуть на такой путь... И если в те времена (речь идет о Гражданской войне. – Г.Б.), когда следствие часто велось в обстановке боя или восстания, мы жестоко расправлялись с теми, кто позволял себе жестокость и издевательства в отношении арестованных, то сейчас... мы вправе с еще большей решительностью вытравлять из нашей среды виновных. Это не наши методы, это – методы капиталистических охранок и носителей их, как проводников классово-враждебных влияний на наш аппарат, мы будем беспощадно отсекаать» (22).

В мае 1933 г. Политбюро вообще запретило тройкам ОГПУ в республиках, краях и областях, кроме Дальневосточного края, выносить приговоры о высшей мере наказания. Но не только сверху совершались отступления. Судя по некоторым признаниям, «чрезвычайщина» заметно тормозилась на региональном уровне. Например, в конце 1932 – начале 1933 г. в 40% дел, связанных с нарушениями очень жестокого законодательства об охране социалистической собственности, судебные работники на местах давали наказание нарушителям ниже нижнего предела, то есть меньше 10 лет (23). П.В. Крыленко, говоря об этих случаях на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., приводил пример с судьей, который заявил, что у него не поднимается рука давать срок 10 лет за четыре украденных колеса телеги. Выступая с резкой критикой такой «порочной» установки местных работников, Л.М. Каганович призывал выполнять постановления партии и правительства, а не законы (24).

Осознание необходимости нормализовать экономическую жизнь было характерно как для бывших «правых», так и для бывших «левых». В частно-

сти, в своих показаниях, данных в марте 1933 г. в ЦКК по делу М.Н. Рютина, Г.Е. Зиновьев заявил: «Насколько я могу судить, в последнее время довольно значительной частью партийцев овладевает... неопределенная идея отступления, надо куда-то отступать. Такое представление есть из моих впечатлений, что я читаю и слышу, что есть неопределенная идея отступления» (25).

То же самое подтвердил, приводя эти слова Зиновьева в «Правде», и В.М. Молотов. Находившийся за границей Л.Д. Троцкий также предлагал объявить 1933 г. годом «капитального ремонта» (26).

Третье отступление от «чрезвычайщины» в зону обычной политики чрезвычайных мер было весьма своеобразным, поскольку происходило в открытом порядке. Достаточно напомнить о ликвидации в ноябре 1934 г. политотделов как чрезвычайных органов власти в деревне, действовавших в обход регулярных органов и параллельно партийным комитетам, или преобразовании в июле того же года ОГПУ в НКВД, которое сопровождалось ликвидацией судебной коллегии ОГПУ, а следовательно, и внесудебного рассмотрения дел.

Некоторые историки, забега вперёд, почему-то видят в этом акте подготовку необходимых структур для Большого террора, как будто он был задуман за три года до своего начала. На самом же деле, по всей видимости, шел поиск таких структур и таких методов, которые, сохраняя фактически чрезвычайные меры управления как основные, позволяли – в международном плане – разбить, как выразился Ягода, вдребезги «теорию» врагов о том, что советский режим может существовать только на базе бессудного подавления всех враждебных элементов, а также – во внутренних делах – избежать бесконтрольную и в конечном итоге опасную для власти «чрезвычайщину».

Это подтверждает и письмо Ягоды Сталину в сентябре 1934 г. о кадровых перестановках в НКВД, которые он обосновывает следующим образом: «Для того, чтобы обеспечить крутой поворот в методах работы по управлению государственной безопасности на местах и заставить наших начальников краевых и областных аппаратов работать по-новому, заставить их понять необходимость решительного отказа от тех традиций в методах работы, которые подходили к условиям прежних лет, но совершенно неприемлемы в нынешней обстановке, чтобы они не думали, что нам только «переменили вывеску», а поняли всю серьезность требований, которые предъявлены к перестройке методов нашей борьбы с врагами, с другой же стороны, не позволили бы себе ни на одну минуту опустить руки перед трудностями новой обстановки и в какой бы то ни было степени ослабить удары по контрреволюции – считаю необходимым Алексеева (начальник Западно-Сибирского управления НКВД. – Г.Б.) и Медведя (начальник УНКВД по Ленинградской области. – Г.Б.) снять с занимаемых ими должностей» (27).

Анализ «особой папки» 1935–1936 гг. показывает, что политика чрезвычайных мер этого периода переносится на проблемы безопасности, прежде всего укрепления границ, шпионажа и проверки благонадежности насе-

ления, проживающего в приграничных зонах. Но главное внимание в повестках заседаний Политбюро занимали вопросы укрепления судебной системы и прокуратуры, в той части деятельности, которая была связана с выполнением чрезвычайных функций.

Подведем некоторые итоги. В 1930–1936 гг., как и раньше, в действиях сталинского режима преобладала тенденция решения проблем через крайность. К началу 1930-х гг. чрезвычайные меры были возведены в постоянную систему, способ управления, метод так называемого социалистического строительства. Как аномалия по отношению к этой системе воспринимался либерализм периода новой экономической политики. В свою очередь, объективной угрозой для постоянной системы чрезвычайных мер была другая ее крайность – «чрезвычайщина».

Сталинская «революция сверху» и «чрезвычайный» социализм 1930-х гг. выросли из Гражданской войны. Но если Ленин благодаря невероятным усилиям смог выбраться из алгоритма Гражданской войны, одним из безусловных авторов которой был он сам, если Ленин смог выйти в пространство более или менее либерального режима управления, то Сталин из своей «революции сверху», заданной ею логики дальнейших действий выйти не смог. Возможно, и не хотел, не рискнул, поскольку любое движение «назад» в этих условиях создавало угрозу его личным позициям.

После «революции сверху» и накануне Большого террора ключевые позиции в сталинском режиме управления заняли люди, способные чувствовать себя как рыба в воде именно в условиях чрезвычайных мер, так как они просты в осуществлении, сориентированы на исполнение команд, избавляют от личной ответственности.

Но самое главное, что сама правящая партия и ее аппараты в центре и на местах стали превращаться в главный чрезвычайный орган управления. Он подчинял себе как регулярные органы, время от времени наделяемые чрезвычайными функциями, так и силовые, карательно-репрессивные наркоматы и ведомства, которые, по определению, больше, чем кто-либо, выигрывали от политики чрезвычайных мер. В конце концов, только контроль партийного аппарата давал гарантию, что эти структуры не выйдут из-под контроля и тем самым не скатятся к «чрезвычайщине» без санкции или намеренном попустительстве высшего руководства и лично Сталина.

Однако для того, чтобы такая система работала надежно, без перебоев, понадобилась окончательная фронтальная социальная чистка, вылившаяся в то, что позднее получило название «Большой террор».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее об этом «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» см.: Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1912. – Т. 14. – Прил. 1 к ст. 1 (прим. 2).
- (2) Цит. по: *Гессен В.А.* Учебник административного права. – М., 1916. – С. 116.

- (3) См. об этом подробнее: *Bordjugov G. Mesures d'exception et «chrezvychajschina» dans la republique sovietique et les autres Etats formes sur le territoire russe, 1918–1920 // Cahiers du Monde Russe. – 1997. – Janvier–Juin. – Vol. 38 (1–2). – P. 29–44.*
- (4) См. подробнее: *Bordjugov G. The policy and regime of extraordinary measures in Russia under Lenin and Stalin // Europe-Asia Studies. – 1995. – № 47 (4). – P. 615–632; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992. – С. 57–113, 144–189.*
- (5) *Данилов В.П., Ивницкий Н.А. (ред.). Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. – М., 1989; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994.*
- (6) *Сталин И.В. Соч. – М., 1955. – Т. 12. – С. 231–232.*
- (7) См.: Решения от 25 февраля 1930 г. «О Чечне и Узбекистане» и «О мерах в отношении кулачества» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 8. – Л. 82, 84.
- (8) См.: Решение от 15 февраля 1930 г. «О публикации в местной и центральной печати о фактах расстрела кулацких элементов» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 8. – Л. 76.
- (9) См.: Решения от 5–25 августа 1930 г. Вопрос ОГПУ // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 9. – Л. 8, 12, 20.
- (10) См., например: Решение от 25 октября 1930 г. «Сообщение ОГПУ о показаниях членов ЦК промпартии» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 8. – Л. 54.
- (11) Решение от 25 ноября 1930 г. «Предложение комиссии по делу промпартии» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 8. – Л. 81–82.
- (12) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 8. – Л. 152–153. Однако эта процедура начала использоваться по существу уже с начала 1932 г.
- (13) Там же. – Д. 9. – Л. 101.
- (14) Решение от 20 июля 1931 г. «О кулаках» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 8. – Л. 123, 126.
- (15) См.: Решения от 28 июля и 5 августа 1931 г., 28 января 1932 г. «О спецпереселенцах» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 10. – Л. 132, 141; Д. 11. – Л. 162.
- (16) См.: Решения от 10 июля 1931 г. «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников» от 5 августа 1931 г. «Об использовании вредителей по Цветметзолоту» от 15 сентября 1931 г. «Об использовании освобожденных бывших вредителей на железнодорожном транспорте» от 8 апреля 1932 г., «Вопросы ОГПУ» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 10. – Л. 109, 138; Д. 11. – Л. 7; Д. 12. – Л. 95.; см. также: *Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. – М., 1996. – С. 55–56.*
- (17) См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, Л.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.Л. Роговая. – М., 1995. – С. 60.
- (18) См.: Решения от 1 февраля 1933 г. «Вопросы Северного крайкома» и «Телеграмма Шеболдаева» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 14. – Л. 47, 51.
- (19) См.: Решения от 1 и 8 марта 1933 г. «Вопрос Наркомата юстиции» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 14. – Л. 66, 76, 88–92.
- (20) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 14. – Л. 90.
- (21) *Хлевнюк О.В. Политбюро... – С. 100–101.*
- (22) См.: *Ягода Г. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности: Сб. док-тов. – Казань, 1997. – С. 359–360; Центральный архив федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). – Ф. 2. – Оп. 9. – Д. 9. – Л. 1–3.*
- (23) См.: Стенограмма январского (1933 г.) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 514. – Вып. 2. – Л. 20.

- (24) Там же.
- (25) См.: Правда. – 1933. – 15 марта.
- (26) См. Стенограмму январского (1933 г.) Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 514. – Вып. 1. – Л. 27.
- (27) См.: Ягода Г. Нарком внутренних дел СССР... – С. 373–374; ЦА ФСБ. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 9. – Л. 245.

**THE EMERGENCY POLICIES IN DECISIONS
OF THE COMMUNIST CENTRAL COMMITTEE POLITBURO
BETWEEN «REVOLUTION FROM ABOVE»
AND THE GREAT TERROR, 1930–1936**

G.A. Bordjugov

Researcher Center of the Association of Researchers of Russian Society
(Russian initials, AIRO–XXI)
Chusovskaya Str., 11-7, Moscow, Russia, 107207

The article emphasizes the «critical points» of the policy and ideology behind the emergency measures applied as a special means of administering the country. On the basis of «special files» of the minutes of the Politburo, it studies the limits and the causes of the transformation of the emergency measures into «chrezvychaishchina». This change in the measures applied weakened the social bases of Stalin's regime and undermined the foundations of the productive forces of the country. The author shows how the policy of taking drastic action, which was first applied to production (grain supply, etc.), was progressively extended to the problems of security and political control, and how those in power tried to find ways of preventing a shift towards «chrezvychaishchina».

Key words: stalinism, «revolution from above», emergency policy, «chrezvychaishchina».